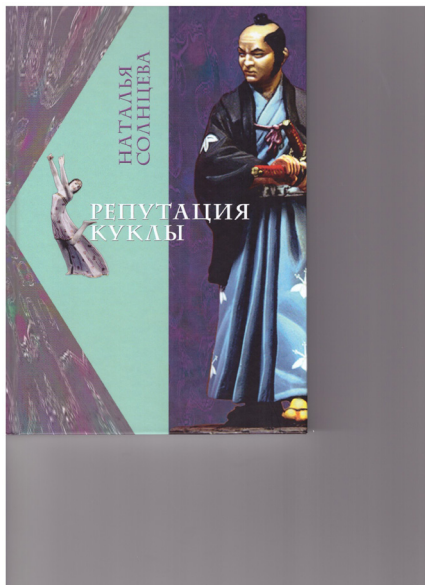

Е.А. Певак

Солнцева Н. Репутация куклы. М.: Водолей. 2017. 176 с.

Имя автора вышедшей в московском издательстве «Водолей» книги хорошо известно читателям. Но в восприятии многих Н.М. Солнцева прежде всего исследователь новокрестьянской поэзии, выпустивший ряд книг, проливающих свет на это уникальное явление русской культуры начала XX века. В их числе «Крестьянский космос в русской литературе 1900–1930-х годов» (М., 2013) «Странный эрос: Интимные мотивы поэзии Николая Клюева», «Последний Лель: О жизни и творчестве Сергея Клычкова» (М., 1993), «Китежский павлин. Филологическая проза: документы, факты, версии» (М., 1992). Она автор двух книг о И. Шмелёве («Иван Шмелёв: Жизнь и творчество». М., 2007; «Иван Сергеевич Шмелёв: Аспекты творчества». М., 2006). Однако в последние годы в круг научных интересов Н.М. Солнцевой вошла новая тема, представленная ею в нескольких статьях и в устных докладах, с которыми она выступала на конференциях.

Мы не будем задаваться вопросом, чем вызван интерес к этой новой теме. В том числе и потому, что ответ на этот вопрос на самом деле известен всем, кто когда-либо обращался в своих исследованиях к поэзии и прозе так называемого Серебряного века и первых послереволюционных лет. Если открыть новую книгу Н.М. Солнцевой, ее ответ дан в одной из глав – «Арлекины», где в центре внимания автора хитросплетения личных судеб и творческих исканий символистов, причем в тот период существования символизма (1906 / 1907), когда возвышенный теургизм трансформировался в карнавальное шествие масок, широко используемых художниками, поэтами, писателями русского модернизма в эстетических распрах.

В то же время Н.М. Солнцева в своей работе не ограничивается традиционным для специалиста ее профиля подходом к теме, но расширяет ее границы, включая культурологическую, искусствоведческую, философскую и религиозную проблематику. Складывается впечатление, что автор намеренно уходит от традиционного дискурса, не педалируя, например, романтическую дихотомию живого / неживого или постсимволистскую – абстрактное / конкретно-живое. Предмет ее исследования, как представляется, своеобразная онтология куклы, и автор выходит за пределы собственно искусства, привлекая к анализу художественные произведения, скорее, как отражение тех психологических контактов, в которые в реальной жизни вступают «кукловод» и кукла; мастер и его «изделие». Психоло-

гический (а в ряде случаев психофизиологический) аспект доминирует, в то время как подспудно ожидаемая нами *эстетическая* составляющая анализа кукольной тематики как будто сознательно вынесена автором за пределы исследования.

Книга разделена на несколько глав, в которых рассматривается психodelика куклы, появляющейся рядом с человеком в различных жизненных ситуациях («Жертвы», «Злодейки», «Чертовы куклы», «Пустышки», «Манкие, роскошные, гламурные»). В каждой из глав есть обширный фактический материал из истории «кукольного» дела, сопровождаемый экскурсами в сферу искусства, психологии, этики, философии. Попутно автор рассказывает о том, как та или иная функция куклы влияет на структурные особенности произведений словесного, изобразительного, театрального искусства, обращаясь к разным эпохам – от античности до постмодерна. Много внимания Н.М. Солнцева уделяет «социальным» ролям куклы в разные периоды истории, называя и те, которые не меняются на протяжении практически всей истории человечества (объект игры, предмет культа), и новые, появляющиеся как ответ на формирующиеся «потребности» общества (гламурная кукла, кукла – сексуальный объект).

Кукольный мир в книге Н.М. Солнцевой представлен во всем его многообразии. Отдельная глава, к примеру, посвящена солдатикам, оловянным и деревянным. В этой главе, как и в следующей за ней («Статуи») автор достраивает свою концепцию кукольного мира, иногда вторгающегося в наш мир, иногда страдающего от наших вторжений. И та и другая ситуации разрушительны, но два мира обречены на диалог, хотя нередко по сути своей он более похож на разговор с собственным отражением в зеркале, и всегда существует опасность погружения в это зазеркалье. Притягательность кукольного зазеркалья воплощается в феномене кукольного дома – этой теме посвящена последняя глава книги, последний штрих, завершающий предложенную Н.М. Солнцевой концепцию кукольного мира. Искусство, как показывает автор, на протяжении не одной сотни лет успешно эксплуатирует феноменологию страхов, надежд и разочарований, представленную кукольными двойниками человека.

Сведения об авторе:
Елена Александровна Певак
канд. филол. наук
науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru